

КОНТИНЕНТ

2007

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 133

Владимир Садимон

По ночам,
когда время становится
ощутимо физически
мной,
отчего, будто мне
нездоровится,
я сижу
совершенно больной?

Оттого, что не важно, наверное,
но до ужаса ясно одно:
время - не существо эфемерное,
каковым представлялось оно.

Решили власти в
Ставрополе рубануть
мемориальную рощи-
цу. И тут народ под-
нялся на защиту зеле-
ных насаждений и, не
поверите, - остано-
вил вырубку! Каким
образом? А вот ка-
ким: активисты-пенсионеры повесили на
березки портреты Путина, - и вырубка пре-
кратилась, не начавшись. Ибо в нынешней
России можно рубить под корень заповедники
и засандаливать элитное жилье на месте
Мемориала павшим, но трогать портрет
Путина, - таких смельчаков нет!

Виктор Шендерович

Юрий Малецкий

Хочу подчеркнуть, что мы с вами разбираем дело
Штайна, только Штайна, а вовсе не автора
«Людмилы Улицкой» и уж никак не самой
писательницы Людмилы Улицкой, и подавно – не
человека с паспортными данными «Людмила
Евгеньевна Улицкая». Думаю, нет нужды объяснять,
что все это – совершенно разные юридические и
физические лица.

Континент — французский

литературный и религиозный журнал

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

133

2007, № 3

июль — сентябрь

ПАРИЖ · МОСКВА

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысливания этой темы.

Необходимость обращения к данной теме стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлению. Шмидт обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, обвинив этого выдающегося филолога, ученика и коллегу Лихачева ни много ни мало в использовании текстов своего учителя «неблаговидно для памяти Лихачева»¹.

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Зобнина, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «ОченьУМ»: «...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от "государственных объятий" нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, "тайная свобода"». Особое негодование Шмидта вызвал итоговый вывод Зобнина: «То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: "Кажись цветком и будь змеей под ним". И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда»². Процитировав Зобнина, его

¹ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук. М., 2006. С. 23.

² Зобнин Ю. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева // ОченьУМ. 2006/2007. № 1. С. 29.

Александр
ЗАПЕСОЦКИЙ

— родился в 1954 году в Курске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, академик Академии наук и искусств (Париж), почетный доктор Линнского университета (Флорида, США) и Американского университета в Дублине (Ирландия), Заслуженный деятель науки России. Автор около 900 научных и публицистических работ по проблемам культуры, образования, социальной и молодежной политики. Живет в Санкт-Петербурге.

критик заключил: «Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева»³.

По сути нравственных установок академика Лихачева спор этот представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ профессором Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом.

По Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева, на протяжении почти всей жизни Дмитрия Сергеевича, открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Сам он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, прав был профессор Зобнин.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны лишь начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По мнению Лаврова, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, «не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тонусе личности»⁴.

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации,

³ Шмидт С. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2002. С. 112.

знакомой по старым книгам, но в его лице являвшейся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться: одно было связано с другим. Я сам, впервые приучившись читать на отцовских книгах, все больше с ятами да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»⁵.

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того, раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в булгаковском «Собачьем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, — а таких было подавляющее большинство, — Лихачев воспринимался как чужеродное явление. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие Лихачева, как и других интеллигентов, властью было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, что сказано, сколько то, как»⁶...

Таким образом, можно сказать, что первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастью», разрушившим прекрасный мир: «Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России, как говорил дед, “до несчастья” — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился». И далее: «Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедушка был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После “несчастья” жизнь его резко изменилась: понижение по службе, боязнь ареста, “уплотненная квартира”. Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастиях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочие, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться “своим”. Дедушка был очень привязан к отцу...»⁷

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Фазиль Исхандер предложил однажды свое объяснение долголетия Лихачева: Дмитрий Сергеевич поставил себе задачу пережить советскую власть — и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у думающей личности нет совершенно никаких

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 9–10.

⁷ Там же. С. 33

претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Или покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен шекспировской формулой: «*Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!*» Под «другом» здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить старииков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями?..

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив, не взошел, так сказать, на баррикады. Но смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической активности. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневное содержание жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созиателем: «*Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую*», — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева⁸. «*Для самого деда вопроса эмиграции не существовало: он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле*», — дополняет З. Ю. Курбатова⁹.

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как цепь репрессий: «*Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик.*» По мнению Гранина, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «*За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя "интересов дела". Когдато его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально, и физически. Ему подожгли квартиру. Его избили в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее*¹⁰.

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Справедливости ради надо добавить: не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было, что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: «*Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то*

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же. С. 36—37.

¹⁰ Там же. С. 381—382.

в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати, после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых, и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасного. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: «Я уже сидел и больше не хочу». Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить», — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева¹¹.

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самосожжение, на другом — полное приспособленчество. Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы, Лихачев был не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «вне ее»¹². Согласиться с этим трудно. Быть вне системы не удается даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось», — писал Даниил Гранин¹³. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов»¹⁴. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Надо ли добавлять, что в советский период об «антикоммунизме» нынешних лихачевских критиков никто не знал?

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», который противоречил бы его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: «Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: «Мы не знали» или «Тогда было так надо». Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отрекаться от них»¹⁵.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 387.

¹⁴ Тиханова М., Лихачев Д. Оборона древнерусских городов. Л., 1942.

¹⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

Как бы то ни было, но, даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и облие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной “Слову о полку Игореве” (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в “инстанции” был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”»¹⁶.

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

Невежественная власть мешала настоящим ученым работать, мешала жить интеллектуальной жизнью, поддерживала научную серость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: «Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся “проработкам” уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим “органам”. За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским kleem, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались: слышны были щелчки и звуки наматывающейся пленки», — вспоминала внучка Д. С. Лихачева¹⁷.

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Л. М. Лотман вспоминает статью «Об общественной ответственности литературоведения», в которой Д. С. Лихачев утверждал, что если человек «сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки “умственной социальности”, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — это и будет интелигентностью»¹⁸. И, как справедливо отмечала та же Л. М. Лотман: «Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии,

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 85.

*природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью*¹⁹. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова, — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве, — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы», — пишет З. Ю. Курбатова²⁰.

Между тем профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину.

В 1952 году ему присуждается Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году — Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за книгу «Поэтика древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Оппоненты академика теперь нередко ставят ему в вину то, что он принимал награды от советской власти и «оказался неблагодарен»: «Этот нравственный карлик отсидел в начале Советской власти три года в библиотеке в Соловецком лагере. Затем эта власть позволила ему дослужиться до академика и наградила его званием Героя Социалистического Труда. А сколько книг он беспрепятственно опубликовал после освобождения в сталинский период и позднее! Короче, Советская власть все последующие годы после кратковременной отсидки Д. Лихачева, словно извиняясь, только и осыпала его благодеяниями. Но как только Горбачев позволил интеллигенции рвать зубами Советскую власть, академик, опередив всю эту стаю, первым вцепился ей, этой власти, в руку дающую»²¹.

Литературный критик Владимир Бушин посвятил этой теме большую статью в газете «Завтра», иронизируя по поводу выдвижения ученого в 1990 году на премию фонда «Фьюджи» за «Жизнь, отданную делу во имя гуманизма». Весь пафос этого текста строился на полемике с фразой из «Известий»: «Пройдя через сталинские лагеря, видный ученый и в последующем не однажды подвергался гонениям со стороны властей». Для примера приведем следующую цитату из текста Бушина: «Ну правильно. Только как можно было здесь промолчать о том, что, мужественно преодолевая гонения властей, молодой Лихачев уже в том самом 1938 году становится научным сотрудником академического Института русской литературы (Пушкинского Дома). Вскоре назло врагам защищает кандидатскую диссертацию, потом доктор-

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Ковалев К. Карлики // Советская Россия. 16.07.1996.

скую, а в 1946 году, когда многие были напуганы постановлением ЦК партии о журналах "Звезда" и "Ленинград", расправой над Анной Ахматовой и Михаилом Зощенко, он, презрительно сметая с дороги все интриги и козни власти, становится профессором Ленинградского университета²². В таком же духе комментируются и все остальные профессиональные достижения Дмитрия Сергеевича.

Нетрудно заметить, что рука об руку с подобной критикой идут элементарная человеческая зависть, недоброжелательство. Однако, каковы бы ни были личные мотивы лихачевских оппонентов, факт налицо: не симпатизировавший советской власти и пострадавший от ее действий ученый продолжал заниматься своей профессиональной деятельностью и принимал от этой власти награды.

Насколько справедливо требовать от Лихачева (да и любого другого человека) иного поведения?

Вопрос не праздный. Мне думается, не справедливо. В истории Советского государства не было ни одного даже самого радикального диссидента, который прямо с момента своего рождения или «прозрения» норовил сразу же порвать все отношения с властью, вступить с ней в непримириимую конфронтацию. Во всяком случае, вся творческая интеллигенция стремилась к диалогу, к отстаиванию своих позиций «мирным путем». Солженицын пытался публиковаться, Любимов ставил спектакли, Высоцкий снимался в кино и мучительно переживал «полуофициальное» положение своих песен, и т. д. Каждый из них стремился быть услышанным соотечественниками, и поначалу никому в голову не приходило отказываться от официального признания, идти на конфликт с властями.

В этой ситуации и заключался трагизм положения интеллигенции в советское время. Каждый, кто хотел заниматься своим делом и быть услышанным, должен был уметь так или иначе ладить с властью. Вопрос лишь в том, где пролегала граница допустимого компромисса.

Разумеется, существовали разные пути противостояния власти, и позиция, занятая академиком Лихачевым, была не единственной возможной. Ученый служил не чиновникам, а своей науке и своей стране. Служил, не «подмазываясь» к власти, не совершая подлостей в погоне за почестями, не теряя человеческого достоинства. Все его должности и награды были заслужены делом, а не какими-либо внепрофессиональными ухищрениями, протекциями, кумовством. Каждое звание, каждый орден, каждую премию государство давало ему, выполняя свой долг, совершая должное.

Характерно, что своими привилегиями Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатушках в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал,

²² Бушин В. Лягушка в сахаре // Завтра. 27.03.1996.

что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. *<...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей*²³.

Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры: «Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. *<...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания*», — рассказывает Л. М. Лотман²⁴. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана, с 1956 по 1976 годы сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: «Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов учено-го совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участки»²⁵.

Другой эпизод подобного заступничества содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: «...в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и учено-й степени кандидата филологических наук. *<...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к всесильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшиеочных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым*²⁶.

Эти примеры можно множить и множить. Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям. Помогал просто потому, что не мог не помочь. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубе-

²³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 388.

²⁴ Там же. С. 83.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Там же. С. 108–110.

дить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишким собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны “добрейших органов” и арестованного (ныне реабилитированного). <...> обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: “Письмо за моей подписью только ухудшит в данном случае ситуацию. Для них мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили”»²⁷. Но иных примеров было намного больше: «В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконя, достал замерзшими пальцами свою печатку “Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев”, сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие людей самых различных профессий и разного общественного положения», — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко²⁸.

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеходовида Иванова: «Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечер памяти Беркова. <...> Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разгоравшаяся травля Солженицына. <...> Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опрометью побежал одеваться. <...> я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными. <...> Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Рома-

²⁷ Там же. С. 112–113.

²⁸ Там же. С. 161.

нов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинда и меня. Трои других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: “А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых”»²⁹.

Здесь уместно сказать, что благородство Дмитрия Сергеевича было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь, в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблаговидные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича готовность помочь, поддержать в конфликтах с официозной идеологией: «Готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности, и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки трибуниализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, почему на эту роль не нашлось больше охотников?»³⁰

Возможно, самым необычным свойством Лихачева было стремление помогать своим научным оппонентам: «Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о “Слове о полку Игореве” не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на “Слово”, — тогда мы лучше его поймем», — говорит Вяч. Вс. Иванов³¹. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что по отношению к нему с начала 1970-х

²⁹ Там же. С. 174–175.

³⁰ Там же. С. 177–178.

³¹ Там же. С. 174.

и вплоть до конца советских передряг Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял самое деятельное участие, и его готовность встать в трудный час на сторону коллеги была доказана делом: ведь он помогал «не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире», ведь «вокруг каждого человека есть “свои”, это вполне нормально, сколь же нормальна помощь, оказываемая “своим”»³². В самом деле, научное сообщество в Советском Союзе жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписанным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же для Лихачева «своим» не был. То есть не был своим в некотором будничном смысле — членом социума, подчиненным, последователем или, тем более, «послушным учеником».

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой, — человека высоконтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Даже в благодушные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избиение в собственном парадном. Но свои жизненные принципы пришлось оплатить не только сломанными ребрами: «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из кромешной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого», — пишет Аверинцев³³.

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: «Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом, — но, может быть, это было еще опаснее»³⁴. И еще: «В девяностые годы звезда Лихачева взошла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страсти и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение “Наш дом — Россия”, настойчиво предлагал Лихачеву возглавить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него»³⁵.

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка. «В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опаль-

³² Там же. С. 178.

³³ Там же. С. 177.

³⁴ Там же. С. 387.

³⁵ Там же. С. 381.

ным — письмо от Горбачевой привез фельдъегерь, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: “*То-то же*”, — вспоминает З. Курбатова³⁶.

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что «*фактически Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву, — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства*»³⁷. Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: «*С середины 1980-х гг.... он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства*»³⁸.

Д. М. Буланин же утверждает, что «*политики превратили красивую сказку об “эпохе” Д. С. Лихачева в жестокий фарс*», что «*те — наверху, кто признал его как persona grata, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти,— это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу*». В итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «*удобную для себя политическую марионетку*»³⁹.

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возлагавшие на академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж, действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»⁴⁰. А Даниил Гранин дополняет: «*С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много*». Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Гранин, иногда академик говорил ему: «*Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры выс-*

³⁶ Там же. С. 35.

³⁷ Там же. С. 3.

³⁸ Шмидт С. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России. С. 18.

³⁹ Буланин Д. Эпилог к истории русской интеллигенции. — В кн.: Три юбилея. Дмитрий Буланин. СПб., 2005. С. 166 — 167.

⁴⁰ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

казывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»⁴¹. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд. «Тогда, — вспоминает З. Курбатова, — дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немногого — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина, и черная полоса в истории страны закончится»⁴². В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. Двадцатого августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»⁴³.

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. Демократические убеждения были им выстраданы. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: «Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи, Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы»⁴⁴.

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: «Государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»⁴⁵.

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России», Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили». Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной, и сходы были значительно более организованными, нежели российская Дума 1990-х годов

⁴¹ Там же. С. 383.

⁴² Там же. С. 38.

⁴³ [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm>.

⁴⁴ Биллингтон Дж. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

⁴⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

с ее драками: «*Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми*». Земские соборы так же были формой демократической жизни⁴⁶.

В июне 1994 года он писал: «*Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм.* <...> *А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми*»⁴⁷.

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ, оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергеевич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслил иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: «*Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов*»⁴⁸. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унизить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на «универсальном языке культуры». Впрочем, то же мог бы сказать о Дмитрии Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев «*воплощает в себе лучшие черты российской культуры XX столетия*», что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами: «*В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преображающей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом*»⁴⁹.

⁴⁶ Аргументы и факты. 1995. 12 окт.

⁴⁷ Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.

⁴⁸ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.

⁴⁹ Биллингтон Дж. С. 1, 3.

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным. Не случайно Даниил Гранин заметил: «*Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями*». Лихачев стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность писатель сказал об этом так: «*Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда*⁵⁰.

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемен, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы важнее их общее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «*Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил наши честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени». <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выражителем оставшейся честной части России*⁵¹. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

⁵⁰ Гранин Д. Наша печаль, наша любовь // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 4

⁵¹ Лихачев Д. Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 641–643.

P. S. Когда этот текст готовился к печати, мне удалось обсудить его с писателем Граниным. Даниил Александрович заметил, что проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, из каких слоев общества они бы ни происходили. Порядочные люди нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. И добавил: «Конфликт этот имеет глубинную природу. В 30-е годы Мандельштам написал, что власть отвратительна, как руки брадобрея. Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала не совсем приятные моменты. Стремясь выбрать клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... было отвратительно. Вот так и с властью. Власть невозможна без насилия и отвратительна уже этим. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо...»

Мы сошлись с Даниилом Александровичем во мнении, что власть бывает разной. Но перед каждым новым поколением порядочных людей снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.